

Е. ОВСЯНКИН

ПОЕДИНОК В СЕВЕРНОЙ ТАЙГЕ

650911

СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1969

ПОЕДИНОК В СЕВЕРНОЙ ТАЙГЕ

...Всю ночь телефон молчал, и дежурный райкома партии, дождавшись прихода на работу первого секретаря, собрался уже уходить домой. Он раскрыл толстую тетрадь, служившую журналом регистрации дежурств, сделал короткую запись: «1 сентября 1942 года. Директиву об ускорении сева озимых передал вечером во все сельсоветы. Особых сообщений с мест не поступало».

Это означало, что в районе не было никаких чрезвычайных происшествий. На полях без аварий работали тракторы, а по железной дороге бесперебойно шли составы с военной техникой и боеприпасами, с северным лесом и печорским углем.

...И вдруг, часов около восьми, раздался телефонный звонок. Дежурный взял трубку. Далекий голос непрерывно повторял два слова:

— Коноша, райком! Коноша, райком!..

— Райком слушает!

— Говорит бригадир Кокорин из Карасовки. Сегодня ночью над лесом кружил большой самолет. Недалеко от нашей избушки упало два парашюта с какими-то ящиками. Мы поставили возле них охрану. Что делать дальше — не знаем...

Из дальнейшего разговора выяснилось, что парашюты приземлились возле горящего костра, вдали от деревень, на сенокосных угодьях, где в тот момент находились рабочие лесопункта.

После короткого раздумья секретарь райкома, включившийся в разговор, передал:

— Охрану у грузов не снимайте. Срочно высылаем людей для расследования.

...Во дворе райисполкома выстроилась группа людей. Начальник районного отдела милиции М. А. Жигарев, кратко доложив обстановку, отдал приказ:

— Срочно получить патроны и оружие. Во главе со старшим оперуполномоченным обследовать парашюты и ближайшую местность.

Во второй половине дня отряд прибыл на место. Рассыпавшись цепью, милиционеры и бойцы истребительного батальона народного сплочения начали прочесывать лес.

Вечером из Коноши в Архангельск ушло донесение:

«...в 20 километрах южнее Коноши, в районе лесопункта 47-й километр, оперативная группа выявила 13 вражеских парашютов, семь больших ящиков, наполовину освобожденных от груза. Есть основание полагать, что с самолета сброшена на длительный срок группа диверсантов. Ждем немедленной помощи».

...Прислонившись спиной к большому дереву, человек, одетый по-походному, торопливо что-то писал. Это был руководитель фашистской разведывательной группы, высадившейся в советском тылу, Рибберг. Он делал первую запись в своем дневнике:

«...Пишу эти строки в далеком русском лесу, у непроходимого болота, где нахожусь на страже. Другие ребята отдыхают от ночной усталости. Мы высадились сюда с самолета вчера ночью. Я прыгал последним и видел, как все пропали в воздухе. Как только приземлился, схватил оружие...»

Рибберг оторвался от блокнота, задумался. В памяти до мельчайших подробностей ожили события последних дней... За двое суток до вылета дневальный, заглянув в класс для занятий, крикнул:

— Рибберг, срочно к майору!

В кабинете начальника спецшколы сидел человек в штатском. Рибберг припомнил, что видел этого человека, когда комиссия окончательно решила вопрос о зачислении в разведывательную школу.

— Поедешь с нами. Пришла пора работать, — сказал незнакомец, выслушав рапорт.

...И вот черный «мерседес» уже мчится в направлении аэродрома... Командир авиачасти встретил их и тут же вызвал нескольких летчиков.

— Вам поручается очень важное задание, обер-лейтенант, — обратился он к пилоту. — Подробности разъяснит господин Целляриус.

Развернув большую карту, человек в штатском произнес:

— Буду краток. Вам нужно доставить в глубокий советский тыл большую группу разведчиков. Высадку их следует произвести вот здесь. — Указательный палец Целляриуса описал маленький квадрат, обведенный красным карандашом. — Наши люди должны оказаться южнее станции Коноша на железной дороге Архангельск — Москва. Полет предстоит дальний и трудный. Считаю долгом предупредить, что ставка фюрера придает этой операции чрезвычайное значение. Надо предпринять все, чтобы обеспечить ее строжайшую секретность. Остерегайтесь лететь над русскими населенными пунктами. Обе группы будет сопровождать наш агент.

Майор, сидевший в углу, чуть приподнялся со своего места и снова сел.

— Командиром десанта на время выполнения задания центр утвердил агента по кличке Раев, — Целляриус кивнул в сторону Риберга. — Прошу вас тщательно изучить маршрут и подготовиться к выполнению задания.

«...И вот началось наше большое приключение, — продолжал Риберг свои дневниковые записи. — И чем оно кончится — сказать невозможно.

Самолет сделал над нами семь кругов, сбросил продукты и оружие. Я карманным фонарем сигнализировал летчикам, показывая, где мы находимся. Отчетливо видел, как на каждом крыле открывались люки и оттуда выбрасывались ящики с грузом, внимательно следил и замечал, куда они упадут. В это время слышались громкие русские восклицания и шум. Должно быть, мы приземлились где-то около русских поселков. Это для нас очень страшно... Никто не должен знать о нашем прибытии. Если приземление будет замечено, — дело плохо.

При помощи огней и условных звуков мы собрались и обсудили, что делать. Каждый думал, что мы попались. Начали быстро разыскивать ящики, чтобы добыть оружие и питание и быть готовыми ко всему. Удалось обнаружить только четыре ящика...

О первой группе ни слуху ни духу, а она должна была нас встретить. Очевидно, пилот сбросил нас в другое место. Сегодня в 9.00 была установлена связь с центром. Если ночью найдем остальное снаряжение, то сможем приступить к выполнению задания. Разведка окрестностей обещает много хорошего.

Чертовски холодно здесь. У меня надето две фуфайки, две рубашки и все-таки мерзну... Надеемся, что бог нам поможет, и все будет хорошо.

Прямо перед нами с высокой горы время от времени слышны восклицания и разговоры русских. Смотрю на парабеллум. Думаю, что это сейчас мой лучший друг. Да, мы далеко в тылу врага... Кроме нас, никого не забрасывали на такое большое расстояние от фронта. Надеюсь, что все кончится хорошо. Это моя первая заметка на чужой территории. Местонахождения пока не знаем. Все спокойно. Все в порядке. Главное — хладнокровие и трезвость...

На этом Рибберг хотел закончить, но, словно вдруг что-то вспомнив, сделал приписку: «Нас семеро. Капитан приказал называть друг друга только по кличкам. Не знаю выдержим ли? Да и к чему это? Моя кличка Раев», — он закрыл блокнот, спрятал его в карман и двинулся к палатке, замаскированной в лесу.

Чекисты тщательно изучали содержимое захваченных ящиков... Рация, фотоаппараты, резиновая лодка, продовольствие, аппарат для подслушивания телефонных разговоров, три тысячи патронов...

— Хорошо помню, что наше особое внимание привлекла большая аэрофотокарта, — вспоминает Николай Александрович Германов, работавший в то время первым секретарем Коношского райкома партии. — Она была составлена из отдельных фотоснимков, склеенных воедино. Каждый снимок имел свой номер. Мы без труда установили, что это — изображение территории, простиравшейся от озера Лача до Коноши и вдоль железной дороги. На карте бросались в глаза многочисленные пометки, сделанные красным карандашом, на иностранном языке. Четко выделялись озера, реки, линия железнодорожного полотна, здание вокзала.

Для какой цели сфотографирована эта территория? Предположения высказывались самые разные. Но было ясно одно: надо немедленно действовать, чтобы обезвредить опасного

врага. С учетом карты, обнаруженной у диверсантов, был разработан первоначальный план действия поисковых групп.

...Целляриус ликовал. Высадка агентов прошла успешно. Еще и еще раз капитан перечитывал первые сообщения, полученные от раций «Пауль» и «Керри»:

— Приземлились отлично. Все ящики найдены и надежно спрятаны. Начинаем движение к квадрату ВЗ. Будут ли особые указания? «Пауль».

— Находимся восточнее реки Волошки. Разведываем местность. Вышли на железную дорогу Вельск — Коноша. Ведем наблюдение. «Керри».

Вызвав шифровальщика, Целляриус продиктовал:

— Передать рациям «Пауль» и «Керри». Связь друг с другом ежедневно в 08 по русскому времени. Начнет «П». Приступайте к выполнению задания, ждем подробных сообщений. Ц.

Второе сообщение было для центра:

— Спецгруппы доставлены в район действия. По мере поступления разведанных будем передавать их ставке. Келлер.

...Просматривая пачку особо важных донесений, генерал отложил два документа. Это были новые сообщения о действиях немецкой агентуры на Севере. «В течение двух суток, — еще раз вчитывался генерал, — службой 2-го спецотдела фиксируется выход в эфир двух не известных ранее агентурных раций в районе Каргополь — Няндома — Коноша. Переговоры ведутся при помощи гаммированного цифрового кода дважды в день с радиостанцией на территории Прибалтики».

Более подробно об этом сообщалось в письменном донесении из Архангельска. «В последнее время, — говорилось в нем, — в четырех районах области противником сброшены парашютные группы для проведения шпионской и диверсионной работы... Вчера в пять часов утра на участке железной дороги между разъездом Тимме и станцией Шелекса был произведен диверсионный акт. В результате взрыва сошли с рельс паровоз и четыре вагона. Огнем из автомата убит машинист Маклаков. Место вокруг аварии оказалось заминированным. Южнее взрыва в 10 километрах диверсанты убили стрелочницу и взорвали стрелку...»

Поступающие из Архангельска, Вологды, Сыктывкара

сообщения становились более настораживающими. Было очевидно, что вражеская агентура на Севере активизировалась.

На первом же совещании ответственных работников управления генерал обратил на это внимание.

— Из последних сведений о действиях врага в нашем тылу особо выделяю факты по Архангельской области, — говорил он, подходя к огромной карте, висевшей на стене. — Общая обстановка на фронте по-прежнему остается тяжелой, — продолжал генерал. — На юге фашисты дошли до предгорий Кавказа, неделю назад они прорвались возле Сталинграда к самой Волге. Москва все еще прифронтовой город — фронт в 170 километрах. Ленинград в блокаде.

Теперь возьмем Север. Как известно, наступление фашистов в начале 1942 года на Карельском фронте захлебнулось. Положение на северном участке фронта сейчас стабилизировалось. Однако и здесь в последнее время активность врага заметно усилилась. Неделю назад в Карском море немецкий крейсер напал на пароход «Сибиряков» и потопил его. Пять дней назад он появился у острова Диксон и обстрелял наши корабли на причале.

С этими акциями, несомненно, связаны удары фашистской авиации по Архангельску. Только в конце августа более сорока бомбардировщиков трижды прорывались к городу. Повреждены отдельные суда, жилые здания, возникло много пожаров. Есть жертвы.

Но и это не все. Немецкие самолеты не раз появлялись над станциями Коношей, Вожегой, — карандаш генерала скользил по карте, останавливаясь возле называемых точек.

Не надо быть специалистом, чтобы оценить стратегическую важность для нас железной дороги Архангельск — Москва. Из Мурманска и Архангельска на юг движется боевая техника, поставляемая нам союзниками, а с востока, из Воркуты, поступает уголь.

Можно предположить, что врага прежде всего интересуют сведения о работе железной дороги.

Сейчас наши задачи сводятся к следующему: регулярно следить за работой вражеских раций, запеленгованных в районе Коноши, принять все меры к дешифровке кодограмм. Надо как можно скорее обезопасить врага.

...Коноша переживала тревожные дни.

В райцентр приехал второй секретарь Архангельского об-

кома партии А. Г. Федоров. В райкоме партии собрались командиры истребительного батальона, железнодорожной охраны, работники милиции, чекисты из Архангельска.

После короткого совещания были отданы приказы:

«...Коношскому истребительному батальону народного ополчения во главе с Высотковым прочесать лесные массивы 7, 8, 12 и 19 квадратов...

...Отряду, составленному из рабочих лесопункта 16-го километра, под командованием Кокарева прочесать 9 и 16 квадраты и выйти к реке Волошке...

...Усилить охрану железной дороги, мостов, станций и других важных объектов. Установить круглосуточное дежурство у телефонов...

...Привести в состояние боевой готовности истребительные батальоны народного ополчения в Вельском, Приозерном, Няндомском, Плесецком и Каргопольском районах.

...На перекрестках лесных просек, у лесных речушек поставить скрытые посты наблюдения.

...В местах возможного появления шпионов и диверсантов создать маршрутные группы, в состав которых включить опытных проводников из лесников, охотников и рыбаков».

И сотни людей с винтовками, охотничьими ружьями, а иногда и безоружные, подвергая себя смертельной опасности, вышли на поиски врага.

О вражеском десанте были осведомлены все коммунисты и комсомольцы, районный актив. Учителя предупредили об опасности школьников.

В райком партии, в милицию, командирам отдельных групп поступали самые различные сведения: в одном месте школьники нашли обрывки бумаги с иностранными буквами, в другом — обнаружили следы свежего костра, в третьем — издали через озеро видели группу вооруженных людей.

...В первые дни фашистские агенты чувствовали себя на советской территории довольно уверенно. И для этого были основания: приземлились благополучно, в лесу отыскивали почти все ящики с грузом, оборудовали базу с продовольствием.

Между тем, в блокноте Раева одна за другой появлялись оптимистические заметки.

«...Настроение у парней хорошее, и ежедневно состязаемся на наилучшую шутку...

...Ура! Железная дорога найдена. Начинаем разведку...

...Сидим на железной дороге, которая следует с юга на север. Наблюдение ведем круглосуточно. Дай бог, чтобы нам дали спокойно работать на месте...

... Хорошо бы скорей встретиться во второй группой. А что если увидимся уже в новой России. Наши наступают стремительно, скоро победа, и мы трудимся во имя ее...»

Но так продолжалось недолго. Уже на третьи сутки Рибберг сделал в дневнике тревожную запись:

«Сегодня был неприятный день. Началось с того, что я, находясь на посту, увидел, как группа мужчин двигалась по лесной дорожке прямо ко мне. Я быстро отошел в сторону, лег за кочки и стал следить за ними. Взвел затвор автомата... но вооруженные люди прошли мимо. Весь в поту я прибежал к болоту, где находились ребята, и сообщил им об опасности. Начался переполох и спешная работа. Мы спрятали свои пакеты и замели следы, а затем двинулись дальше. И здесь нас поджидала опасность. Выйдя на лесной покос, мы заметили колхозников и сразу повернули обратно. Никто не должен нас видеть. Тот, кто увидит нас, должен быть убит, но пока мы должны избегать этого и заматывать следы. Теперь нашли спокойное место. Где-то вдалеке раздавались пулеметные очереди. Это вызывает озноб во всем теле. Страшен русский лес... Что-то нас ждет впереди?»

Да, нелегко было выполнить задание Целляриуса — определить характер груза, перевозимого по железной дороге.

«...Рано утром снова подошли к железной дороге, — продолжал записывать Рибберг. — Шли на стук ночных поездов. Заметно, что русские усилили охрану. По полотну непрерывно двигаются вооруженные патрули. Некоторые из них с собаками. Находиться вблизи насыпи опасно. Следили за поездами издали, по очереди забирались на дерево. Движение очень интенсивное, все паровозы новейших образцов, составы огромные. Характер грузов издали установить трудно... Дай бог, чтобы нас не заметили и дали возможность спокойно работать...»

Жизнь в русском лесу оказалась намного сложнее, чем рисовал ее Целляриус. На каждом шагу непрошенных гостей подстерегала опасность.

...Однажды на берегу реки, около мельницы, они повстречали подростка лет пятнадцати. Это случилось так неожидан-

но, что гитлеровцы растерялись, но отступить было поздно, и Рибберг, владевший русским языком, вступил в разговор.

— Ты что здесь делаешь? — спросил он юношу.

— Ловлю рыбу. Вот в реке сетки заброшены. Жду.

— Ты хорошо знаешь эти места?

— Знаю.

Расспросив паренька о том, далеко ли от реки железная дорога и как лучше пройти к ней, Рибберг сказал:

— Мы выполняем спецзадание НКВД. Ты никому не говори о нашей встрече...

Едва они скрылись за деревьями, юноша поспешил домой. Это был колхозник из деревни Ануфриево Николай Соловьев. От его внимания не ускользнуло ничто: ни ломаный русский язык незнакомца, ни автоматы необычной формы. Прибежав в деревню, он разыскал председателя колхоза Ивана Васильевича Малышева, рассказал о встрече, показал папиросу и шоколад, которыми угостил его незнакомец.

К месту, указанному Колей, направилась группа бойцов с собакой. Собака взяла след, но вскоре пошел дождь, и преследование пришлось прекратить.

А вражеские радиции по-прежнему выходили в эфир...

Какие сведения сообщали агенты в свой центр?.. Опытные специалисты настойчиво стремились найти ключ к тайне вражеского кода... Помог этому один случай.

...На исходе дня в кабинете второго секретаря Коношского райкома партии Орлова раздался телефонный звонок. Сняв трубку, Орлов услышал голос командира одной из поисковых групп:

— Меркий Павлович, сегодня лесорубы дважды разговаривали с базой. Недалеко от хутора Синбицино их видел школьник Коля Соловьев. Наши рабочие ушли к ним на помощь. Однако сил для работы недостаточно. Прошу быстро направить в поддержку тридцать возчиков...

— Все ясно. Принимаем меры.

Текст телефонограммы в переводе с условного языка означал следующее: «Сегодня диверсанты дважды связывались с центром. Наша оперативная группа направилась для их ликвидации. Однако сил для проведения операции недостаточно. Просим прислать 30 бойцов истребительного батальона...»

Тем временем по следу врага уже шли пять человек во

главе с Иваном Ивановичем Скорюковым. Враг петлял, пытался затруднить преследование.

Несколько часов без отдыха шла поисковая группа. И вот под вечер собака вдруг завокнулась. Натянув до отказа поводок, она рвалась вперед. Рассыпавшись цепью, бойцы стали двигаться осторожнее. Через некоторое время они увидели невдалеке палатку. Группа залегла. Скорюков попытался обойти палатку справа, но был замечен часовым... Раздалась автоматная очередь...

Из палатки выскакивали люди, на ходу вскидывая автоматы. Завязалась перестрелка. Один из автоматчиков сразу упал, другие бросились бежать. Во время преследования собака обнаружила еще одного агента — он оказался раненным в ногу.

В палатке среди прочих трофеев удалось обнаружить черновые записки радиста. Они-то и помогли нашим специалистам установить систему цифр и разгадать вражеский код.

...Никто без вызова не решался заглянуть в кабинет Келлера (Целляриуса). Тот третий день не знал покоя. Центр в который раз напоминал: «Значение присланных данных ничтожно. Требуем исчерпывающих сведений от группы Север в соответствии с заданием. Исполнение доложите».

А докладывать было нечего. Агенты не оправдали и малой доли тех надежд, которые на них возлагались. Последние их шифровки были тревожными:

«Нас давно заметили. Русские непрерывно преследуют. Разведку вести невозможно...»

«Только что выбрались из облавы. Погода становится невыносимой. Холодно, сыро, одежда порвалась. Прошу о немедленном вывозе групп. Р.»

— Неужели провал? — думал Келлер, нервно перебирая пальцами пачку кодограмм.

Срывалась тщательно продуманная операция, подготовке которой в течение девяти месяцев отдавал все свои силы. Главная ставка придавала этой операции большое значение, и потому Келлер чувствовал себя причастным к выполнению больших стратегических планов.

...Это началось еще в сентябре 1941 года. Тогда по службе Келлер быстро пошел в гору. Он проявил небывалую работоспособность и создал сеть шпионских школ. Такие школы появились в Риге, Таллине, Хельсинках и в ряде других горо-

дов. Они действовали под неприметным названием «Бюро капитана Целляриуса». «Целляриусом» был не кто иной, как Келлер. Бюро подчинялось одному из управлений абвера. В его обязанность вменялось осуществление разведки на Севере Советского Союза.

Поздней осенью 1941 года Келлер получил новое, особо важное задание. Возвратившись из Берлина, он вызвал к себе группу доверенных агентов.

— Нам нужно подготовить примерно пятнадцать человек, — говорил Келлер, расхаживая по кабинету, — которые могли бы длительное время работать в условиях глубокого северного тыла. Это должны быть исключительно здоровые физически люди, способные быстро совершать длительные переходы в лесах, хорошо ориентироваться в них. Особое внимание надо обратить на подбор радистов, которые сумели бы поддерживать регулярную связь с нашим центром с далекого расстояния. Вам предоставляется полная свобода действий на призывных пунктах, в гарнизонах близлежащих городов. Отбирайте самых лучших.

Сотрудники разведслужбы выполнили приказ. Кого только не завербовали они в эту группу! Были тут и участники европейских соревнований по марафонскому бегу, по стрельбе, по легкой атлетике.

...И вот тридцать новобранцев приступили к занятиям. За высоким забором на одной из улиц Таллина притаился маленький, тщательно охраняемый особняк. Опытные специалисты обучали бывших спортсменов тайнам шифровки телеграмм и радиодола, топографии, ходьбе на лыжах, стрельбе из пистолетов и автоматов.

Все курсанты имели подробную карту той местности, где им предстояло применить свои знания. Лыжные тренировки, прыжки с парашютом проводились в Финляндии в условиях, приближенных к району предполагаемой выброски. Упорно, день за днем в течение нескольких месяцев обучались будущие разведчики.

...В середине августа 1942 года Целляриус получил срочную телеграмму: «Келлеру. Ускорьте начало северной спецоперации. Не позднее середины сентября ставке необходимы все сведения, обусловленные первоначальным планом. Распоряжения о выделении самолета и подходящего экипажа произведены. 1 сентября жду отчет об исполнении приказа...»

Келлер лично явился тогда в школу разведчиков — он не

мог доверить инструктирование тщательно вышколенных агентов кому-либо из своих помощников.

После посещения аэродрома, где были уточнены последние детали заброски агентов, капитан дал им подробные наставления.

— Ваша учеба закончилась,— напутствовал своих воспитанников Келлер.— Завтра и послезавтра ночью вы будете сброшены в район действия.

— Общее руководство операцией на месте центр поручил унтер-офицеру Рибергу. Мы считаем необходимым разделить вас на две группы. Лютер, Раннэ, По, Теер и Ро, под командой Раева будете действовать в составе железнодорожной группы. Ваша главная цель состоит в том, чтобы выявить все сведения о железной дороге Москва — Архангельск.

— Путем личного наблюдения нужно установить интенсивность движения составов, характер грузов, следующих в обоих направлениях, а также степень охраны дороги. Составьте и немедленно радируйте расписание движения поездов. Вам вменяется в обязанность также установить регулярность рейсов транспортных самолетов между этими пунктами.

— Унтер-офицер Тенно, вы назначаетесь начальником второй, маршрутной, группы. Центр ставит перед вами более сложную задачу. Прежде всего необходимо выяснить расположение аэродромов и больших естественных площадок для возможной посадки наших самолетов. С этой же целью требуется узнать глубину и площадь озера Лача.

— Повторяю, что все эти сведения, — закончил капитан, — следует выявлять путем личных наблюдений. В крайнем случае центр разрешает прибегать к допросу отдельных служащих и солдат из охраны. Запомните, что каждый советский гражданин после допроса должен быть уничтожен. Однако в первое время избегайте всяких встреч. Радисты, помимо общей информации, должны дважды в день сообщать метеосводку.

В тылу необходимо полное повиновение начальникам групп. Движение осуществлять только по маршрутам, обусловленным нашими картами. Напоминаю текст подписки, которую каждый из вас дал при поступлении в школу:

«Поступая на службу,— читал Целляриус,— даю подписку, что буду выполнять все приказы офицеров и команди-

ров, никогда и никому не рассказывать о них, буду воевать с врагом, не жалея сил и крови...»

— Я надеюсь, что вы вернетесь живыми и невредимыми. Центр будет регулярно направлять вам продовольствие и питание для раций. Через две недели вы будете вывезены специальным самолетом... А сейчас прошу всех сдать личные документы. Напоминаю: в плен не сдаваться ни при каких обстоятельствах.

Все тринадцать верили в благополучный исход операции. В случае успеха им были обещаны большие деньги и награды, а после двухнедельного пребывания в русском тылу — хороший отдых и «теплые» места в гитлеровской армии.

Но на деле выходило совсем не так, как предполагалось по плану. От группы, засланной в советский тыл, не поступало тех сведений, на которые так рассчитывал центр.

...Вот почему был встревожен Келлер.

— Нет, так легко вам не отделаться от меня, — злорадно усмехнулся капитан, еще раз прочитав радиogramмы. — Помощь окажу, но вы должны дать мне то, что нужно.

И Келлер выработал новый план действий.

«Ввиду исключительной важности операции, — сообщал он в ответной радиogramме, — вывоз группы откладывается на неопределенное время. Приказываю во что бы то ни стало подойти к железной дороге. Дважды в сутки передавайте метеосводку. Прекратите панику. Завтра ожидайте самолет в квадрате ГЗ. Направляем продовольствие, питание для раций, яд для собак. Целляриус».

С тех пор, как удалось разгадать вражеский шифр, бесконечная, непонятная доселе карусель точек и тире обрела смысл. Теперь советская контрразведка была осведомлена о том, какую информацию передавали вражеские агенты в центр и какие получали оттуда приказы.

А радиogramмы становились все тревожнее... Рибберг со страхом писал в своем дневнике:

«... Выбрались из облавы... Погода становится невыносимой: холодно, сыро, одежда порвалась...»

Уже большие недели шатаемся по лесу, а ничего не сделали для центра. Несмотря на его неоднократные требования присылать ежедневно метеорологические данные, не выполняем и этого. Русские не дают никакой возможности собирать

сведения. Надоело по горло. Скорей бы соединиться со второй группой, и скорей — к финишу...

...Центр спрашивает: все ли в порядке? Как самочувствие? Пусть сами придут посмотреть...»

Немного утешения принесла шпионам и встреча групп. В дневнике появилась об этом такая запись: «Вчерашний день стал самым печальным в нашей жизни. Встретили мы других, но вместо шести их оказалось четверо. Двое уже покоятся где-то в России. Они были как раз из тех, кто меньше всего желал находиться среди нас. Двое из четырех ранены. Группа чудом избежала полного уничтожения. Положение скверное...»

После этого агенты, несмотря на грозный приказ Целляриуса, окончательно почувствовали, что об успешном проведении операции не может быть и речи. Они торопят центр с эвакуацией их из советского тыла. Однако центр не спешил. Обеспечивая агентов всем необходимым, он вновь и вновь требовал выполнения задания. Но все было тщетно. А тут еще выпал первый снег. Это вдвойне обеспокоило шпионов — на снегу следы были видны как на ладони. Учитывая все это, Целляриус решил, наконец, забрать разведчиков.

Это известие ободрило их.

«Вчера передали, наконец, конечный пункт нашего следования, — записал он в своем дневнике. — Осталось еще немного жить невыносимой жизнью...»

Автор пытается храбриться наедине с собой: «С удовольствием бы пробыл здесь еще немножко, попробовали бы добраться до железной дороги и продолжить работу. Нам нужно также отомстить за двух убитых. Если это не удастся, то вернемся снова на будущий год...»

Но осуществить этот замысел не удалось.

...Несколько поисковых групп приближались к озеру Лача. Капитан госбезопасности Зиновий Иванович Шапенков, возглавлявший группу связистов, получил предписание: непрерывно следить за работой вражеских раций и во что бы то ни стало определить точный пеленг.

Выполнить это было нелегко. Чувствуя приближение опасности, диверсанты выходили на связь по свободному расписанию и после каждого сеанса совершали большие переходы, стараясь запутать следы. Из-за истощения батарей сигналы раций становились с каждым днем все слабее.

Настроившись на знакомую волну, наши радисты круглосуточно следили за эфиром. И вот однажды утром среди бесконечных шумов и потрескиваний послышалась дробь морзянки...

«...Вышли к конечному квадрату. Ждем помощи. Русские преследуют...»

В ответ из центра радиовали: «Ждите, начиная с завтрашнего дня с 7 часов, большой самолет. Эвакуируем всех вместе...»

— Восточный берег озера Лача,— доложил руководителю поиска капитан Шапенков.

Оценив обстановку, руководитель поисков направил на место обнаружения агентов роту курсантов военного училища. Им была поставлена задача — высадиться с катера небольшими группами и захватить парашютистов. Операция началась ночью и поэтому точное местонахождение врага курсантам установить не удалось.

А ранним утром в облаках послышался гул гидросамолета. Через несколько мгновений самолет показался из-за леса и, сделав круг над озером, сел на воду и начал подруливать к берегу. Навстречу ему вброд спешили несколько обгоревших бородатых людей.

Ближайшая группа наших бойцов оказалась на расстоянии четырехсот метров от самолета, а другая — еще дальше.

Часть курсантов открыли винтовочный огонь, а другие бегом бросились вдоль берега на сближение с врагом. В то время, как бойцы пробежали половину пути, из леса раздались автоматные очереди — это группа агентов, спрятавшись в засаде, прикрывала посадку в самолет. Курсанты залегли и открыли по самолету огонь.

Тем временем несколько гитлеровцев уже забрались в машину.

...Мотор взревел — «хейнкель» поднялся в воздух. Оставшиеся на берегу, пользуясь суматохой, поспешно бежали.

Взвод курсантов и бойцы истребительного батальона стали прочесывать лес, намереваясь захватить вражеских лазутчиков.

...На левом фланге общей цепи — трое восемнадцатилетних курсантов: Морозов, Серебряков и Петров. Дойдя до поляны, они притаились... Не заметив ничего подозрительного, стали осторожно пробираться дальше. Но как только они вышли на чистое место, раздались выстрелы. Морозов упал,

сраженный насмерть. Серебряков получил ранение в руку. На помощь к ним поспешили товарищи, но врагам удалось скрыться.

...Самолет, поднявшийся с озера Лача, из-за полученных во время перестрелки серьезных повреждений, вскоре сделал вынужденную посадку. «Хейнкель» опустился на небольшое озеро и, обдирая брюхо о камни, выбросился на берег.

...Через день чекисты во главе с капитаном Воронковым обнаружили самолет. Над штурвалом сник пилот, на полу лежали еще два трупа. В хвостовой части нашли одного из десантников. Видимо, он был смертельно ранен во время посадки. Остальные пять разведчиков и механик самолета Стефан Кубала бежали, намереваясь перейти линию фронта.

Спустя некоторое время после вылета первого самолета над озером снова появился «хейнкель», но не обнаружив условных сигналов, сделал круг и улетел обратно.

И сразу же в небе появились два «мессершмитта». Они прошли на малой высоте вдоль берега и, заметив бойцов, открыли по ним огонь, а затем обстреляли ближайшую дорогу.

Отдельный стрелковый батальон НКВД нес пограничную службу. Линия фронта проходила далеко, но пограничники всегда были настороже. Выходя в дозор, брали с собой гранаты — нередко приходилось вступать в перестрелку с диверсантами и шпионами.

Осенью 1942 года в штаб погранчасти поступило несколько сообщений:

«...в районе Юнгозера приземлился вражеский гидросамолет. Наша группа захватила двухмоторный «хейнкель». Экипаж обнаружен мертвым...

Бандитская группа в составе шести человек, вооруженная автоматами, появилась у деревни Остров Заречье, захватила в колхозе хлеб, картофель, полушубок и скрылась в направлении города Пудож. Поиски не дали результатов...

...Бандиты ограбили подводу, на которой учительница везла подарки из Пудожа для учеников одной из деревенских школ...»

Были и другие сообщения.

Командир полка приказал создать патрульные группы круглосуточного действия. Одна из таких групп во главе с командиром отделения Василием Ильичем Мищенко получила следующее боевое задание:

«...Двигаться по лесной тропе левым берегом реки Водлы до дороги Семеново-Великодворки, пройти 10—11 километров до просеки, далее идти на запад до берега Онежского озера... Тщательно проверять всех лиц, продвигающихся по маршруту движения группы, осмотреть все пустующие бараки, лесные избушки... При обнаружении группы противника задержать ее или уничтожить...»

...Четверо бойцов двигались по угрюмому ночному лесу: впереди — стрелок Петр Еремкин, затем — командир группы, младший сержант Мищенко, дальше, на некотором расстоянии друг от друга, — пулеметчик Иван Айкин, стрелок Иван Степин. У каждого — винтовка с запасом патронов, по три гранаты, у пулеметчика — три заряженных магазина.

Идти было трудно — ранний снег почти весь растаял, под ногами хлюпала грязь.

Пробираясь по тропе, поисковая группа вышла к заброшенной лесной избушке. Невдалеке от нее бойцы остановились. Внимательно обследуя тропу, Мищенко заметил свежие следы. По дороге, что вела к избушке, была разбросана щепка. Все это показалось подозрительным. Командир решил осмотреть избушку. Быстро распределил обязанности. Тихо, приглушенным шепотом, отдавал распоряжения:

— Иван, ложись с пулеметом у штабеля за бревном напротив двери, — обратился Мищенко к Айкину. — Степин и ты, Петр, будьте наготове у окон, а я войду.

Выждав, пока товарищи заняли места, Мищенко вошел в сени и, резко толкнув дверь, громко крикнул с порога: «Встать! Руки вверх!»

Пятеро, сидели, склонившись над столом, на котором лежали автоматы. Шестой примостился на скамье у двери. От неожиданности никто из них не мог двинуться к месту. Исход поединка решали секунды...

— Руки вверх! — громко повторил Мищенко. — Стрелять буду!

И в ту же секунду, осыпая со звоном осколки стекол, в окна с улицы просунулись стволы винтовок.

...Один за другим все шестеро вышли из избушки.

— Руки вперед, лицом вниз, ложись! — скомандовал Мищенко. Гитлеровцы были обезоружены и связаны. У них оказалось четыре автомата и 14 магазинов к ним, 6 пистолетов, 2 ракетницы, 5 компасов, бинокль... Пленных погрузили на лодки и доставили в штаб...

Но захватить удалось лишь часть десантников. Упорно шли чекисты по следам оставшихся в лесу врагов.

В архивных документах неоднократно упоминается имя коммуниста Ивана Николаевича Цыбина. День и ночь вместе с товарищами преследовал он гитлеровцев. Несколько суток без отдыха шел в составе поисковой группы боец истребительного батальона бухгалтер Каргопольской МТС Алексей Васильевич Мосталыгин.

Сотни жителей Коношского, Каргопольского и Няндомского районов помогали обезвредить опасного врага. Наконец возле деревни Дальняя Зеленья Коношского района удалось захватить вражеских разведчиков.

«...Две шпионско-диверсионные группы полностью ликвидированы,— говорилось в специальном сообщении в Наркомат внутренних дел СССР. — 9 разведчиков задержано, 4 убито при столкновениях. В ходе операции изъято пять баз с продовольствием и экипировкой, 2 радиостанции, шифры, коды, топографические карты, аэрофотокарты, дневники, 10 автоматов, 13 пистолетов, 1 винтовка, 13 тысяч боевых патронов, аппарат для подслушивания телефонных разговоров, радиоприемник, сигнальные фонари, 25 парашютов, резиновые лодки, бинокли и т. д.

Из показаний шпионов и документов установлено, что немецкое командование намеревалось высадить в Коноше крупный воздушный десант, преследуя цель перерезать северные коммуникации, изолировать Север от Центральной части СССР и развить наступательные операции от станции Коноша на юг в направлении г. Вологды.

Для обеспечения этой операции разведывательными данными и был сброшен вражеский десант...»

Более четверти века прошло с тех пор, как советские люди сорвали далеко идущий замысел фашистского командования.

Немецкая разведка пыталась осуществить шпионско-диверсионные акции на Севере и в последующий период Великой Отечественной войны. В октябре 1943 года в Вологодскую область была заслана группа из пяти диверсантов. Они должны были подобрать посадочную площадку для приема немецких самолетов и совершать диверсионные акты в районе Северной железной дороги. Однако этот замысел претворить в жизнь им также не удалось. Сразу же после приземления

группа попала в руки чекистов. Советские органы государственной безопасности, используя захваченную у диверсантов коротковолновую радиостанцию, регулярно передавали противнику ложные сведения о передвижении частей Советской Армии, военной техники по железной дороге. Фашистская разведка, поверив этим сообщениям, забросила на Север еще 22 диверсанта. Но все они были обезврежены.

Многие из тех, кто участвовал в ликвидации вражеских десантов в северных лесах, живут сейчас на Севере, в тех местах, где в тревожное, грозное военное время они боролись с фашистами и победили. В Эстонии в городе Хаапсалу трудится Василий Ильич Мищенко, который был начальником поисковой группы. В одном из лесопунктов в Карелии работает бывший стрелок этой группы Петр Гаврилович Еремкин.



Герой Советского Союза
подполковник Н. В. Мамонов

ЕГО ИМЯ — НА КАРТЕ РОДИНЫ

«Когда начинается биография?.. С пеленок? Когда ты ликующим воплем известил белый свет о своем рождении?

Или с химических чернил, которыми заполнили первую анкету твоей жизни — свидетельство о рождении: фамилия — Мамонов, имя — Коля, год рождения 1919-й...

По-моему, биография начинается гораздо позже... Но когда? Не знаю...»

Дневника не получилось, и Коля вскоре забыл о нем: хватало и других забот.

Летом ходил за грибами в окружении шумной ватаги

мальчишек. Они всюду сопровождали капитана сборной команды поселка по футболу Николая Мамонова. Одни — как болельщики, другие — как игроки. И все они признавали непререкаемый авторитет капитана: никто так не мог бить «в девятку», как Коля.

Но была у мальчишки одна забота, ради которой он пожертвовал и футболом, и чтением книг.

Мамоновы жили сначала в Вологодской области, затем переехали в Коношу. Жили трудно. Заработанных денег едва хватало на то, чтобы прокормиться. И потому Коля еще пятиклассником порывался устроиться на работу. Переживал, получив отказ родителей.

После 7 класса он все лето проработал табельщиком на железной дороге, а осенью поступил в Сокольский молочный техникум и в 1938 году окончил его.

Николай стал специалистом сугубо мирной профессии — технологом по производству сухого молока. В течение года работал на одном из молочных заводов Татарии, потом вернулся в Коношу.

Пришла пора идти в армию. Это было в конце августа 1939 года. В этот день Николай пришел с работы рано. Подошел к матери. Обнял ее и сказал:

— Иду в военное училище, мама! Стране нужны кадровые воины: время тревожное. Может, примут. И, помолчав, будто хотел успокоить мать, добавил: — Не я один — все наши ребята так решили...

Николай часами просиживал над «Историей военного искусства». На страничках своей записной книжки он «сражался» с Александром Македонским и Ганнибалом. Спорил с Суворовым и сочинял свою, как он говорил, «тактику современного сложного боя».

Успешно закончив первый курс пограничного военного училища, Николай Мамонов в мае 1940 года писал матери:

«...Вот сейчас. Только сейчас началось. Мамочка, вся моя жизнь стала какой-то ощутимой, новой. Честное слово! Служба во Львове зажгла. Дала многое!.. А здесь я по-настоящему понял, как много могу принести пользы...»

Началась война. То, о чем рассказывают сейчас скупые строки архивных документов, и есть та самая биография, о которой мечтал когда-то семиклассник Коля Мамонов.

...Июнь 1941 года. Командуя сначала истребительным взводом, а с августа — стрелковым батальоном, капитан Николай Васильевич Мамонов получил боевое крещение.

Много пережил тогда Мамонов: наши части отступали под натиском врага. Но именно в это время закалялась воля молодого командира, росло его военное мастерство.

В апреле 1942 года батальон Мамонова занимал оборону на высоте 240, у местечка Дядино. Ранним утром 7 апреля гитлеровцы начали атаку. Поддерживаемые пулеметным огнем, немецкие автоматчики устремились к высоте. Большую выдержку проявил в тот трудный день 22-летний комбат. Его бойцы успешно отразили первую атаку. А через некоторое время фашисты пошли во вторую. Бой продолжался более двух часов. Враг отступил и на этот раз. Гитлеровцы предприняли еще несколько попыток овладеть высотой, но безуспешно. Сотни фашистских вояк нашли смерть у безымянной высоты.

За умелое руководство батальоном во время этих боев Мамонов был представлен к первой награде — ордену Красного Знамени.

«Комбат Мамонов, — писал в реляции к награде командир полка, — проявил себя смелым и решительным командиром, способным выполнять любую задачу современного сложного боя...»

«Комбат Мамонов имеет хороший боевой опыт, — говорилось в другой характеристике. — В обстановке разбирается быстро и грамотно... В бою смел и решителен. Не щадит себя. Часто личным примером увлекает бойцов в атаку...»

Эту характеристику читал парторг полка коммунистам.

В тот же вечер Николай Васильевич писал домой:

«1942 год — самый знаменательный у меня. Принят в партию... На фронте тяжело. Наверное, иначе не может быть... Ясно главное — землю нашу очистим... Надейтесь!»

В личном деле Мамонова появлялось все больше и больше документов, говоривших о большом военном мастерстве молодого комбата.

Однажды, получив донесение о решительных действиях мамоновцев, один из военачальников сказал, не сдержав улыбки: «Дает прикурить Мамонов холеном прусским воякам... Ну, чем не полководец?»

Наиболее полно залечатлены боевые дела подразделения

Н. В. Мамонова в созданной позже «Истории 331-го стрелкового полка».

История полка началась в мае 1943 года. Мамонова назначили туда командиром. Полк был сформирован в Тульской области, по которой только что прокатился огненный вал войны...

Полк выстроился на небольшой поляне.

— Равняйся! Смирно! Равнение на середину! — отдана команда.

Для большинства из тех, кто стоял в строю, она прозвучала впервые...

Мамонов поздоровался с солдатами. Потом сказал:

— Скоро нам предстоит идти в бой против фашистских захватчиков. А сейчас мы выступаем в поход к месту боевой подготовки...

Впереди были крупнейшие операции на Курской дуге, сражения против орловской группировки противника. Родина готовила стратегические резервы для предстоящих боев.

В июне 1943 года бойцы Мамонова участвовали в жарких схватках с гитлеровцами в районе Орла.

Так начал свой боевой путь 331-й стрелковый полк прославленной ордена Суворова стрелковой дивизии, получившей позже название Гомельской.

Более полутора лет вел его Николай Васильевич Мамонов по фронтовым дорогам...

Одна из многих записей истории полка гласит:

«С 25 июля по 1 августа 1943 года полк в жестоких боях истребил более 2000 неприятельских солдат и офицеров, захватил богатые военные трофеи. 25 ноября 1943 года во главе с Мамоновым одним из первых ворвался в город Гомель... В начале 1944 года полк воевал в Могилевской области. Особенно жестокие бои разгорелись возле деревни Корма. Вражеские солдаты шесть раз переходили в атаку против занявшего оборону полка, но все они были отбиты с большими потерями для врага».

Яркой страницей в истории подразделения являются его боевые действия во время летне-осенней кампании 1944 года.

К началу этой кампании советские войска на юге завершили освобождение Западной Украины, а на северо-западном участке фронт проходил по восточным границам прибалтийских республик. И только в центре, восточнее Витебска, Орши и Бобруйска, фашисты сохранили свои позиции. Образовался

так называемый «белорусский выступ», вклинившийся в расположение советских войск.

Немецкое командование группы армий «Центр» получило предписание о том, что «оборонительные рубежи в Белоруссии должны защищаться, как рубежи самой Германии».

Но дни «Восточного вала», созданного гитлеровцами, были сочтены. Рано утром 23 июня 1944 года на огромном участке фронта тысячи советских орудий ударили по вражеским позициям. Началась Белорусская стратегическая операция — одна из решающих операций Великой Отечественной войны. На этом участке фронта сражался и 331-й стрелковый полк, которым командовал коммунист Н. В. Мамонов.

...Это было в первые дни июля 1944 года в районе деревни Заболотье близ польской границы.

Столкнувшись с упорным сопротивлением врага, полк вынужден был занять оборону. Для дальнейшего продвижения не хватало свежих данных разведки. Разведчики полка попробовали взять «языка», но потерпели неудачу. После второй попытки Мамонов вызвал к себе прославленных полковых разведчиков Аширова и Еремина.

— Во что бы то ни стало надо взять «языка». На вас вся надежда, ребята. Действуйте по своему усмотрению. Не прощаюсь, весь полк ждет вас. Желаю успеха, — сказал командир.

— Не беспокойтесь, товарищ майор. Все будет в порядке, — ответил Михаил Еремин.

...И отважные разведчики выполнили задание. Пробравшись к высоте, они без единого выстрела ликвидировали часовых, а затем ворвались в землянку. Несколько фашистских солдат при попытке оказать сопротивление были уничтожены автоматной очередью, а семеро, во главе с офицером, захвачены в плен и доставлены в штаб полка.

Командование получило исключительно ценные сведения. Произведя перегруппировку батальона, Мамонов умелым фланговым ударом выбил врага с позиции. А через неделю направил командованию дивизии рапорт о присвоении Еремину и Аширову звания Героя Советского Союза.

...Август 1944 года. В районе Клещели гитлеровцы окружили вырвавшееся вперед наше воинское подразделение. Полк Мамонова получил задание оказать помощь попавшим в окружение. Исход дела решали часы. Продолав многокилометровый марш-бросок, мамоновцы без минуты передышки пошли

в атаку и полностью уничтожили врага. Выйдя на оперативный простор, полк одним из первых перешел государственную границу.

Во время наступления 1944 года полк продвинулся вперед более чем на 300 километров. Было захвачено в плен свыше 2400 вражеских солдат. За год наступательных боев 830 воинов подразделения были удостоены высоких правительственных наград.

В разгар боев 1944 года Мамонов писал своим землякам, труженикам Коношского района: «Посылая нас на фронт, вы наказывали нам бить врага до полного разгрома и возвращаться домой с победой. И мы, фронтовики, оправдываем ваш наказ...

Вот уже третий год я бью заклятых врагов. Части, в которой я служу, присвоено наименование одного крупного промышленного центра нашей страны; у нас немало героев, готовых пожертвовать жизнью за освобождение земли...»

Сообщая о том, что за участие в военных операциях он удостоен ряда боевых наград, Николай Васильевич писал:

«В ответ на оказанную мне честь и высокую награду клянусь Родине, народу и вам, дорогие земляки, что пока в груди бьется сердце, я все отдам для того, чтобы разгромить ненавистного врага».

Это письмо под заголовком «Клятва воина» было опубликовано на родном Севере в Коношской районной газете. Небольшой газетный листок с волнением читали колхозники, лесорубы и железнодорожники. А через несколько дней газета поместила ответ рабочих Коношского вагоноремонтного пункта, где работали отец и братья Николая: «Вам, фронтовикам, не придется краснеть за ваших земляков, вагонников, — писали они Мамонову, — мы сделаем все от нас зависящее, не считаясь ни с какими трудностями, во имя полной победы над гитлеровскими захватчиками».

...В октябре 1944 года советские войска устремились к границам Восточной Пруссии.

Полк Мамонова, преодолевая вражескую оборону, приближался к Берлину. В последнем донесении, подписанном Мамоновым, сообщалось:

«Противник под давлением наших частей отступил за реку, оказывая упорное сопротивление с противоположного берега из всех видов оружия. Отбросив врага, полк овладел местечком Клешево-Нове».

26 октября 1944 года Мамонов проверял готовность полка к форсированию реки. Уже приготовились к атаке воины и командиры подразделений. В ближайшей роще стояли наготове танки.

18 часов 10 минут... Николай Васильевич изучил подходы к реке. 18 часов 50 минут... Вражеская авиация начала массированный налет на передовую.

Мамонов, взглянув на часы, вошел в землянку... В последний раз видели командира те, кто минуту назад стоял рядом — одна из бомб разорвалась возле самой землянки. Осколком Мамонов был смертельно ранен в голову.

В этот день полк форсировал реку. А после боя солдаты прощались со своим командиром, отдавая ему последние почести. Похоронили Мамонова в деревне Обрытье Варшавского воеводства.

Но биография Мамонова продолжалась. Теперь ее писали люди, которые учились у своего командира мужеству и бесстрашию, военному мастерству и ненависти к врагу. Сын партии, горячий патриот своей родины, он стал как бы частью каждого из тех, кому суждено было дожить до победы...

Они с гордостью называли себя мамоновцами. И это слово хорошо было известно врагам. Его боялись, этого слова. Пленные гитлеровцы признавались на допросах, что к атакам с мамоновским полком они готовились особенно тщательно, вводя в действие все свои резервы.

В боях на территории Пруссии мамоновцы приумножили боевую славу полка, добытую в сражениях под командованием Мамонова.

В начале 1945 года войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов мощными ударами расчленили восточно-прусскую группировку фашистских войск на три части.

Советское командование приняло решение разгромить в первую очередь юго-западную группировку врага. Здесь находился самый мощный в системе обороны Восточной Пруссии Хейльсбергский укрепленный район.

Последним узлом вражеского сопротивления в этом районе был город Хейлигенбейль. Опоясанный дзотами, располагающий долговременными огневыми точками и подземными бункерами, он казался неприступным.

Но наши войска штурмом взяли эту крепость.

В оперативной сводке Информбюро от 25 марта сообщалось: «Войска 3-го Белорусского фронта, продолжая наступ-

ление, овладели городом Хейлигенбейль — последним опорным пунктом обороны немцев на побережье залива Фришес-Хафф юго-западнее Кенигсберга».

За мужество и стойкость, проявленные воинами при ликвидации хейльсбергской группировки врага, боевое знамя 331-го полка украсила награда — орден Кутузова II степени. Вечером 25 марта, в 23 часа, столица нашей Родины — Москва салютовала доблестным воинам, овладевшим городом Хейлигенбейль двенадцатью артиллерийскими залпами из 124 орудий.

А на день раньше, 24 марта 1945 года, в печати был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза первому командиру 331-го полка полковнику Мамонову Николаю Васильевичу и двум бесстрашным разведчикам — А. Еремину и С. Аширову.

...Под звуки артиллерийского салюта с воинскими почестями хоронили мамоновцы на центральной площади Хейлигенбейля своих боевых товарищей, павших во время штурма города. Тогда же бойцы в знак глубокого уважения и любви к своему первому командиру решили перевезти его прах в Хейлигенбейль, который стал свидетелем массового героизма мамоновцев на завершающем этапе войны.

А спустя два года город, в котором похоронен Мамонов, был назван его именем. На центральной площади города стоит бюст Героя Советского Союза полковника Н. В. Мамонова.

...В который раз перечитывает Анна Николаевна Мамонова письмо командира дивизии генерал-майора Ф. Г. Булатова. Сообщая печальную весть о гибели ее сына-героя, Булатов писал:

«Дорогая Анна Николаевна, 26 октября 1944 года погиб смертью героя в бою с немецко-фашистскими захватчиками ваш сын Николай Васильевич. Бойцов, сержантов и офицеров нашей дивизии потрясло известие об утрате славного, всеми любимого командира полка. Они поклялись мстить немецким мерзавцам до конца, они гордо называют себя мамоновцами и, помня имя своего командира, в бой идут без тени страха.

...Ваш сын, пламенный большевик, был горд за оказанное ему высокое доверие... Забывая о себе, он весь отдавался борьбе... Мужественный и храбрый, дерзкий и хладнокровный, гордый и скромный, Николай Васильевич героически сражался с первых дней Отечественной войны. Бил седых и вымуштрованных гитлеровских полковников. Он награжден орденом

Красной Звезды, орденом Александра Невского, орденом Кузюова III степени, орденом Красного Знамени...

Тяжело потерять такого сына, но пусть сознание большого и святого дела, которое выполнял Николай Васильевич в годы борьбы с врагом, вселяет в Вас гордость и оправдывает утрату. Пусть Вас поддержит слава о Николае, борьба которого, как и борьба всего нашего народа, будет жить в веках».

Получив известие о том, что один из поселков молодой Калининградской области назван именем ее сына, Анна Николаевна писала трудящимся:

«Я горда тем, что мой сын до конца своей жизни был верен воинскому долгу, честно служил Родине и отдал свою жизнь во имя будущего...»

Официально город Хейлигенбейль, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 25 июля 1948 года назывался Мамоново. А 28 марта 1951 года Указом Президиума Верховного Совета СССР он был переименован в город Мамонов. На том месте, где совсем недавно высились мрачные средневековые башни, выросли новые дома, школы, больницы, магазины...

С первым ударом молотка, с первым гребком бульдозера здесь началась новая мирная жизнь. Советские люди, как образно сказал один из старожилов города, «проветрили эту землю от фашистского угара», высоко подняли над городом знак вечной памяти павшим за народное счастье — 7 ноября 1952 года в парке, который примыкает к центральной площади города, был открыт монумент Славы.



Младший сержант
А. Калинин.

«ПОСЛЕДНЕЕ ДЫХАНИЕ — ДЛЯ ПОБЕДЫ»

Я не помню, когда впервые узнал о подвиге Николая Гастелло. Но перед глазами и сейчас ярко встает картина: наш одноклассник Ленька, широко расставив ноги, громко читает на школьной сцене стихи:

Когда мотор горит,
Когда спасенья нету,
Когда минуты жизни сочтены, —
Последнее дыхание — для победы,
Последняя секунда — для страны...

И мы, ученики сельской школы, замирая, слушаем его. Было это осенью 1941 года. Лишь позднее я узнал, что стихотворение, которое так взволновало наши мальчишечьи души, было помещено в одном из агитплакатов ТАСС, изданном в первый месяц войны.

...Бомбардировщик с красной звездой на фюзеляже, оставая за собой шлейф огня и черного дыма, как бы вонзается во вражескую цистерну. А вокруг — десятки машин, бегущие во все стороны фашистские солдаты... Так запечатлел художник А. Вентцел подвиг героев.

Прошло более четверти века, но не угасает в сердцах советских людей память о подвиге славного экипажа Николая Гастелло.

...Их было четверо в том бомбардировщике. И среди смельчаков — наш земляк Алексей Калинин.

...1938 год. Он был для Алексея знаменательным — юноша вступил в комсомол. Алексей работал в то время заведующим клубом в своем родном селе Нижняя Пеша Ненецкого национального округа.

А потом проводили Алешу в армию. Осталась в далекой Пеше любимая девушка...

...В 1940-м молодой красноармеец принял присягу. Алексей писал тогда отцу: «Жизнь в Красной Армии хорошая. Я с гордостью послужу Родине... Успехи в учебе хорошие. За отличное выполнение уставов и приказаний имею уже более десяти благодарностей».

Когда это письмо пришло в Пешу, отец показывал его всем соседям, снова и снова просил прочитать вслух дорогие строки.

Вскоре имя Алексея Калинина занесли на Доску почета воинской части. В апреле 1940 года в числе отличников его направили в школу младших авиаспециалистов. На Север летели короткие весточки.

«Я уже два раза летал в двухмоторном самолете, — общал он в письме матери Евдокии Николаевне. — Работал на радию, держал связь с землей».

А после одного из полетов, когда Алексею пришлось испытать свое боевое оружие и прыгать с парашютом, он писал:

«Продолжаю учебу... Свою специальность освоил. Сегодня летал, открывал стрельбу с самолета по воздушным целям и... прыгал с парашютом. Нестрашно».

Быстро пролетели месяцы учебы. Отпраздновав с друзьями 23-ю годовщину Октября, Алексей выехал в часть.

С лучшими летчиками страны бороздил он небесные просторы Родины.

«Это был скромный, трудолюбивый воин, — вспоминает бывший сослуживец Калинина летчик Иван Власов. — Каждую свободную минуту Алексей использовал для совершенствования своего мастерства. Как сейчас, помню один случай. Сидели мы в столовой. Алексей взял нож и начал выстукивать морзянку.

— Да перестань ты! Хоть в столовой посиди спокойно. Все равно рекордсменом не будешь, — подшучивали над ним товарищи.

— В рекордсмены я не мечу, а вот хорошим стрелком-радиостом буду обязательно, — серьезно ответил Калинин...»

И Алексей сдержал свое слово. Однажды весной на боевую учебу в часть, где он служил, приехал командир соединения. Он похвалил Калинина за меткость в стрельбе по воздушным целям и объявил ему благодарность перед строем.

В одном из своих последних писем Калинин писал: «Снова летал на самолете. Когда-то это была моя мечта, а теперь действительность — победитель воздушного пространства. Вот бы растянуть свой баян, да так, чтобы все услышали, и та, что далеко теперь на родном Севере. Только я его оставляю на земле. Спасибо комсомолу, спасибо армии за воспитание тысяч соколов, за воспитание меня. Они открыли мне путь жизни, и за него я свою не пожалею отдать, если это требуется».

22 июня 1941 года. Во всех подразделениях авиадивизии состоялись митинги. На одном из них выступил Николай Гастелло.

— Что бы ни ждало нас впереди, — сказал он, — все пройдем, все выдержим. Никакой буре нас не сломить, никакой силе нас не сдержать!

И в тот же день самолет, ведомый Гастелло, вылетел на боевое задание.

«Нанести удар по колонне вражеских войск западнее Сувалки», — таким был первый приказ, полученный его эскадрильей. Летчики выполнили задачу.

— Поздравляю вас с боевым крещением, — сказал своему экипажу капитан после того, как бомбардировщик приземлился.

— Служим Советскому Союзу! — ответили штурман Анатолий Бурденюк и стрелок-радист Алексей Калинин.

Назавтра — новый вылет... Взывают моторы. Машина, тяжело нагруженная бомбами, набирает высоту... Штурман уверенно дает ориентир — на мост через Буг.

— А теперь прямо, командир, — раздается его голос.

— Так... Точно... Есть!..

Одна за другой летят бомбы, накрывая мост...

Неподалеку от него летчики обнаружили небольшой аэродром. Гастелло через радиста тут же передал команду всей эскадрилье. И машины, сделав новый заход, сбросили оставшиеся бомбы.

Одному вражескому истребителю удалось оторваться от земли, но Калинин тут же взял его в перекрестье прицела и дал очередь — «мессер» вспыхнул...

— Поздравляю! — громко крикнул капитан. — Молодец!

И тут же услышал взволнованный голос Алексея:

«В воздухе вражеские истребители!»

Стрелки встретили неприятеля пулеметным огнем и сумели отбить атаку. Однако самолет Гастелло получил серьезное повреждение. Калинин радировал на командный пункт:

«Один мотор выведен из строя, повреждено шасси...»

С пункта немедленно поступил ответ:

«Экипажу разрешается оставить самолет...»

Но на самолете был один тяжелораненый. Покинуть бомбардировщик — значило бросить раненого товарища. И тогда капитан сделал почти невозможное: на одном моторе он дотянул до своего аэродрома и посадил самолет...

Через три дня — новое боевое задание:

«...Бомбардировать мотомеханизированную колонну противника на дороге Молодечно — Радошковичи...»

...Самолеты шли к цели. Впереди — машина Гастелло. На своих местах штурман Анатолий Бурденюк, адъютант эскадрильи Григорий Скоробогатый и стрелок-радист Алексей Калинин. В районе села Радошковичи, западнее Минска, цель была обнаружена — бескончаемым потоком двигались по шоссе танки, автомашины, цистерны с горючим. Вниз полетели бомбы, стрелки расстреливали фашистов из пулеметов.

...Круто развернувшись, самолет Гастелло пошел на второй заход — и тут заговорили вражеские зенитки. Из-под правого крыла самолета вырвался яркий сноп пламени: снаряд про-

бил топливный бак. Огонь приближался к мотору. Капитан понял: самолет доживает последние минуты. Еще ревут мощные двигатели, поддерживая заданную высоту, еще есть время покинуть самолет... Решение пришло мгновенно:

— Передаю последний приказ: всем немедленно покинуть машину. Я остаюсь за рулем и пикирую на вражескую технику.

И из переговорного устройства трижды повторился ответ:

— Я остаюсь на месте!

— Спасибо, ребята! Бьем до последнего! Прощайте, родные!..

На глазах боевых друзей самолет-факел развернулся и пошел в пике. Очевидцы вспоминают: ни на минуту не затихая, строчил пулемет Калинина. Тверда была рука капитана — горящая машина врезалась точно в цель — туда, где у пересечения шоссе Молодечно — Радошковичи с проселочной дорогой из деревни Миговки в Декшняны скопились танки, бронетранспортеры и бензоцистерны. Раздался оглушительный взрыв. Высоко в небо взлетели куски разорванного металла, гибли в огненном крошечке обезумевшие от страха фашисты. И долго еще потом пылал забитый вражеской техникой лес.

Это было на четвертый день Великой Отечественной войны. Беспримерный поступок советских летчиков стал символом воинской доблести. Их подвиг в годы войны повторили 74 человека.

Советский народ свято чтит память героев. Н. Ф. Гастелло посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, а члены экипажа его самолета удостоены ордена Отечественной войны I степени.

Бессмертна в сердцах северян память о комсомольце из заполярного села: в Нижней Пеше именем Алексея Калинина названа одна из улиц. Имя славного земляка носит пионерская дружина Пешской средней школы.



Снайпер Р. Шанина.

«ЖАЖДА МОЕЙ ЖИЗНИ — БОЙ»

На обложке октябрьского номера журнала «Огонек» за 1944 год был помещен фотоснимок девушки в военной форме.

Задорное лицо, короткие волосы. Гимнастерка с погонами сержанта. На груди — награды: солдатские ордена Славы. Под снимком подпись: «Снайпер Роза Шанина. За время пребывания на фронте уничтожила 51 фашиста. До войны работала в Архангельске».

А неделей позже, 7 ноября, во фронтовом дневнике Роза сделала очередную запись: «Получила письмо из Архангель-

ска. Земляки видели в журнале мой портрет и пишут, что гордятся моими подвигами. Но меня слишком переоценили. Я делаю лишь то, что обязан каждый воин, — и все...»

...Далекая, затерявшаяся в лесу деревня в Устьянском районе Архангельской области. Здесь прошли детские и школьные годы Розы Шаниной. Когда ей исполнилось четырнадцать лет, уехала в Архангельск и поступила в педагогическое училище.

Началась Великая Отечественная война. Роза вместе с подругами подала заявление об отправке на фронт, но получила отказ: ей было всего шестнадцать лет. Тогда она поступила в отряд всеобуча, а через некоторое время уехала на женские снайперские курсы в Москву. Из Архангельска отправилось четверо: Лида Вдовина, Галя Антуфьева, Тася Прялкова и Роза Шанина.

С отличием окончив школу, Роза вместе с подругами 2 апреля 1944 года прибыла на фронт в 184-ю стрелковую дивизию. В составе этого соединения был отдельный женский взвод снайперов. Командиром одного из отделений назначили сержанта Шанину.

Через три дня женская снайперская команда вышла на передний край.

Уже в первый день она открыла свой боевой счет. Спустя две недели командир дивизии подписал приказ о награждении Шаниной орденом Славы III степени. А начиная со второй половины мая в дивизии, а затем и в армии заговорили о снайпере Шаниной как о метком и храбром бойце.

Ее имя не сходило со страниц «боевых листков» и дивизионных газет. «Пусть радуется русская мать, родившая и воспитавшая Родине славную, благородную дочь», — писала в те дни газета «Уничтожим врага!»

Летом 1944 года Советская Армия начала крупное наступление в районе Витебска. Ранним утром 23 июня после мощного огневого налета пехота пошла в наступление. Во время таких боев женская снайперская команда, согласно приказу командования, должна была находиться в тылу. Роза никак не хотела мириться с таким положением.

...Однажды редактор армейской газеты «Уничтожим врага!» Петр Алексеевич Молчанов обогнал на машине колонну девушек-снайперов. На снайперских слетах он не раз встречал Розу Шанину и Сашу Екимову. Полковник остановил автомобиль. Девушки подошли ближе.

— Почему мы плетемся в хвосте? — спрашивала Роза. — Почему нас не посылают на передовую?

— Видимо, есть основание у командования, — ответил редактор.

— Знаем, — раздалось в ответ. — Думают, что мы, девушки, не годимся для того, чтобы участвовать в наступлении.

И уже расставаясь с Петром Алексеевичем, Роза сказала:

— Попросите, пожалуйста, чтобы нам разрешили быть на переднем крае. Пойду с любым стрелковым батальоном. Не подведу ни вас, ни командование. Хорошо?

— Попытаюсь, — пообещал Молчанов.

И Роза добилась, чтобы ее направили на передовую...

Наступление Советской Армии развертывалось стремительно. 8 июля Роза вместе с боевыми подругами участвовала в боях за город Вильнюс — столицу Советской Литвы. Пять дней гремела над городом канонада. И все это время отважная северянка не расставалась со своей винтовкой. При освобождении столицы Литвы Роза уничтожила двенадцать фашистских солдат. Затем участвовала в боях за город Каунас. Впереди была Восточная Пруссия.

За пять месяцев пребывания на фронте Роза Шанина уничтожила 50 фашистов. Она была удостоена еще одной награды — ордена Славы II степени. В сентябре Розу приняли кандидатом в члены КПСС.

Тогда же ей предоставили короткий отпуск.

Побывав на родине, Роза вернулась в часть, которая в то время подходила уже к границам Восточной Пруссии. Встретив ожесточенное сопротивление фашистских войск, наши части временно перешли к обороне.

Девушки стали чаще выходить на передовую. А во время отдыха Роза, используя каждую свободную минуту, делала записи в своем фронтовом дневнике.

Дневник Розы рассказывает, о чем думала, что чувствовала она в то тяжелое военное время.

7 декабря 1945 года Роза писала в дневнике: «Вспоминаю любимый Архангельск, стадион «Динамо», театр, кинотеатры «Арс», «Победа»...

А за 10 дней до гибели Розы Шаниной в ее дневнике была сделана такая запись: «Сижу и размышляю о славе. Знатным снайпером называют меня в газете «Уничтожим врага!», а в «Огоньке» портрет был на первой странице. Странно даже представить, как смотрят на мое изображение знакомые... Я

знаю, что еще мало делаю... Я сделала не больше, чем обязана как советский человек, став на защиту Родины».

Роза, по словам ее подруги Калерии Александровны Петровой, только дневнику поверяла свои сокровенные мысли.

«...Опять готова к побегу на передовую. Какая-то сила влечет меня туда. Чем объяснить?.. Я хочу видеть настоящую войну...»

«...Была у генерала Казарьяна и начальника политотдела дивизии. Просилась на передовую. Плакала, когда не пустили».

«26 ноября. Сейчас в запасном полку. Отдыхаем. Поймите, жажда моей жизни — бой. И что же? Не могу добиться своего...»

И вот, наконец, еще одна запись: «8 января 1945 года... После отдыха пошла к члену Военного Совета, чтобы добиться своей цели — попасть на передовую. Послал к командующему армией генералу Крылову. С большими усилиями убедила, чтобы пустили меня в следующее наступление. Наконец-то!»

Началось зимнее наступление советских войск. Все время Роза была на переднем крае. Ее дневниковые заметки той поры говорят об исключительной ожесточенности боев, разгоревшихся в Восточной Пруссии.

«14 января. За спиной Белоруссия и Литва. А здесь Пруссия. Сегодня наших потеснили. На левом фланге наши продвинулись далеко. Но еще слышна стрельба. Все утро слышим грохочущую канонаду. Все ушли вперед...»

«16 января... Мое сердце твердит: «Вперед! Вперед!» Я покорна ему. Будь что будет — вперед! В последнее бесповоротное вперед!

Сколько жертв было вчера, но все равно — вперед!»

«17 января. Ходила в наступление вместе с пехотой. Продвинулись вперед... Первый раз я испытывала такой артиллерийский огонь».

А 24 января в дневнике Розы появилась последняя запись:

«Давно не писала. Было некогда. Двое суток шли ужасные бои.

...Техника у нас! И вся армия движется. Хорошо! Большой железный мост через речку. Шоссе красивое. Около моста срубленные деревья — не успели немцы сделать завал...»

28 января 1945 года снайпер Роза Шанина пала смертью храбрых на поле боя.

Думала ли она о смерти? Да, она хорошо знала, что могло случиться в любую минуту. «Может быть, я скоро буду мертва, — писала она в те дни в одном из писем. — Вы спросите, почему это собралась умирать. В батальоне, где я сейчас, из 78 осталось только шесть...»

Как и все ее подруги, Роза любила жизнь, мечтала о будущем. На фронте Роза впервые полюбила. Но короткими были счастливые дни.

«Вспоминаю Мишу Панарина, — записала она в дневнике 10 октября 1944 года. — Какой хороший парень! Убили... Он меня любил, я знаю, и я его...»

А сколько внутренней убежденности и нравственной силы сохранили строки письма Розы, адресованного незнакомой фронтовичке.

«Здравствуйте, Маша!

Вы извините, что я Вас так называю. Не знаю Вашего отчества. Вы пишете, что безумно любите мужа Клавдии Ивановны. А она имеет пятилетнего ребенка. Вы просите у нее извинения и оправдываете себя тем, что не можете одна воспитывать ребенка, который скоро должен появиться, что якобы не знали, есть у Н. А. жена и дети. Ничтожны эти извинения и оправдания.

...Теперь буду говорить в защиту нас, девчат. Прежде всего, кто я. Как и Вы, воюю. Снайпер. Недавно ездила в тыл. В поезде я иногда видела кривые усмешки разглядывающих меня. Почему? Почему иные косо смотрят на девушку в гимнастерке? Это Вы виноваты, Маша, и такие девушки, как Вы. Я не нахожу себе места и сейчас, вернувшись на фронт. Не могу успокоиться.

Я теперь задумываюсь, как мы, военные девушки, будем возвращаться в тыл? Как нас встретят? Неужели с подозрением? Это за то, что мы рисковали своей жизнью, за то, что многие из нас погибли в боях за Родину?

Подумайте, Вас не простят не только Клавдия Ивановна, но и мы, девушки. А нас много...»

Зримо встает перед нами со страниц дневника, из писем светлый образ простой девушки, одной из многих защитниц Родины.

...В канун 20-летия победы над фашистской Германией архангельская молодежная газета «Северный комсомолец»

более года печатала материалы о Розе Шаниной, письма родных и знакомых, однополчан и боевых друзей, довоенные и фронтовые фотоснимки. Сослуживец Шаниной П. А. Молчанов опубликовал в журнале «Юность» ее дневники и письма.

Юноши и девушки с волнением читали новые и новые факты о боевых делах снайпера. Из документов стало известно, что Роза Шанина была представлена к третьей награде — ордену Славы I степени. Лишь четыре женщины Советского Союза удостоены чести быть кавалерами орденов Славы всех трех степеней. Пятой в ряду отважных должна была стать наша землячка. Но она не дожидая до получения этой награды.

...Десятки пионерских отрядов в Архангельской области носят имя отважной северянки. Пионеры и комсомольцы стремятся быть достойными своей славной землячки.

На родине героини в деревне Едьме Архангельской области выстроено просторное здание новой школы, которая носит имя Розы Шаниной.



Мэйор П. И. Рагозин.

БЕССМЕРТИЕ СЫНА ВАГИ

Однажды на имя директора Вельского краеведческого музея пришел объемистый пакет из Польши. В нем оказался альбом, посвященный памяти уроженца Вельского района Петра Ивановича Рагозина.

Польские друзья сообщали: «Высоко оценивая заслуги майора Рагозина, который покрыл неувядаемой славой победное знамя борьбы с фашизмом и погиб на нашей земле в де-

ревне Сыринка около города Водзислава, мы создали и по-сылаем Вам этот альбом...

Мы считаем высокой честью передать Вам известие, что погибший на поле брани П. Рагозин покоится в братской могиле героев войны, на которой стараниями общества польско-советской дружбы г. Водзислава построен памятник благодарности...»

Каждый посетитель музея бережно переворачивает листы альбома, рассматривая фотоснимки, надписи на польском и русском языках.

Вот одна из фотографий... Окраина польской деревни. Маленький домик с садиком. Внизу подпись: «Место, где был смертельно ранен П. Рагозин».

На другом снимке запечатлен торжественный момент открытия мемориальной доски в Сыринке, в школе. На белом мраморе высечено: «В XX годовщину восстания польского народа присвоено этой школе имя майора П. И. Рагозина — заслуженного солдата Советской Армии, погибшего здесь в боях за освобождение нашей Родины».

...Биография Петра Рагозина предельно проста. Родился он в августе 1916 года в маленькой деревушке Буторинской Вельского района Архангельской области. С 14 лет Петр стал работать на лесохимическом промысле — сначала рабочим, а потом бригадиром.

Семь лет он трудился в родном районе. А в сентябре 1937 года Рагозина призвали в армию. Случилось так, что вскоре он получил боевое крещение — воевал против японских захватчиков на Халхин-Голе.

Трудолюбие и завидное упорство северянина привлекли внимание командиров. Рагозину предложили учиться. В 1938 году он окончил полковую школу, а немного позднее — Ленинградское пехотное училище. Перед войной Петр был командиром взвода.

С первого дня Великой Отечественной войны Рагозин находился на фронте. Сначала командовал ротой, а затем — батальоном на Ребольском направлении Карельского фронта. Действуя в составе лыжной бригады, Рагозин со своими войсками участвовал во многих боевых операциях.

За умелое проведение одной из операций Петр Иванович был награжден орденом Красной Звезды и Отечественной войны I степени. Ему было присвоено воинское звание майора. Воинская часть, где служил Рагозин, в начале 1945 года была

переброшена в Польшу и влилась в состав 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта.

Воины напряженно готовились к наступлению. Ежедневно шла боевая учеба. Лучшие бойцы вступали в партию. Только в марте 130 воинов подразделения стали коммунистами. Предстояли решающие схватки с врагом.

И вскоре отдельная горно-стрелковая бригада вступила в бой. Прорвав оборону врага южнее Кракова, наши бойцы стремительно продвигались вперед. День и ночь, не затихая, шли бои.

Очередное наступление наших войск, в котором принимал участие батальон майора Рагозина, началось в марте 1945 года.

Батальону Рагозина предстояло в составе бригады и корпуса совершить прорыв глубоко эшелонированной полосы обороны под городом Зарау.

Утро 24 марта выдалось солнечное и теплое. Стояла напряженная тишина. И вдруг орудийные залпы разорвали весенний воздух — началось наступление.

Медленно, но упорно вгрызались танки в оборону врага, за ними шла пехота. Фашистские войска, не выдержав навязанного им темпа, оставили Зарау, Клокочик, Юдаш, Рой, Яжковице.

Но чем дальше продвигались наши войска к германской границе, тем ожесточеннее сопротивлялись фашисты. Сильные бои развернулись возле городов Бирталтау и Радлин. Разместив на танках роту автоматчиков, Рагозин организовал прорыв обороны противника, личным примером вдохновляя бойцов.

Был освобожден Бирталтау, а за ним и шахтерский город Радлин.

С тяжелыми боями наши войска подходили к границам Чехословакии — до нее оставалось не больше двадцати километров. В донесении командира бригады от 28 марта сообщалось: «Упорные бои с врагом шли весь день. В 18.00 враг силой до роты атаковал КП командира бригады. Атака отбита. Враг потерял более 130 человек убитыми. Наши потери 8 убитых».

...Среди убитых в тот день был командир отдельного горно-стрелкового батальона майор Рагозин.

...Это произошло возле города Радлина. Пытаясь выяснить обстановку, группа разведчиков во главе с Рагозиным глубоко-

кой ночью подошла к деревне Сыринке. Не обнаружив врага, разведчики миновали деревню, но внезапно были обстреляны — фашисты засели в здании школы.

Участник той операции подполковник запаса В. Мионов вспоминает, что Рагозин мгновенно принял решение — двух бойцов поставил по углам дома, чтобы уничтожить тех, кто попытается выскользнуть, сам же стал бросать в окна гранаты. Остальные бойцы должны были ворваться в дом с противоположной стороны.

Автоматный огонь, разрывы гранат усилили панику среди фашистов. Объятые страхом, они стали выпрыгивать из окон, стреляя на ходу. В этой перестрелке был смертельно ранен П. И. Рагозин.

На другой день солдаты с воинскими почестями похоронили П. И. Рагозина в городе Водзиславе Сленском.

...А воинское подразделение, в котором он воевал, продолжало свой боевой путь. За освобождение Чехословакии отдельная горно-стрелковая бригада была удостоена ордена Красной Звезды.

Имя вельского лесоруба, советского офицера Петра Рагозина носит школа в деревне Сыринке и улица в городе Радлине. Это дань памяти и высокого уважения братского польского народа советскому воину, одному из тех, кто принес братской Польше мир и свободу.



Герой Советского Союза
А. Г. Торцев.

ЗА РОДНОЙ СЕВЕР

«Его беззаветная преданность социалистической Родине и верность военной присяге, мужество и героизм должны служить примером для всего личного состава Вооруженных Сил СССР», — такими словами заканчивается приказ Министра Обороны СССР о зачислении Героя Советского Союза Торцева Александра Григорьевича навечно в списки одного из воинских подразделений.

...Мезень. Далеко затерялась в ее прибрежных лесах де-

рения с несколько необычным названием Жердь. Здесь прошли детство и юность Саши Торцева. Здесь бегал он с друзьями в луга, ловил с ними рыбу, ходил в школу. Рано познал радость крестьянского труда. Не по годам упорный и трудолюбивый, Саша был любимцем всех односельчан.

— Хороший у Григория сын растет, работающий,— уважительно говорили о нем взрослые. А мальчишки-сверстники всюду признавали Сашу своим вожаком.

Перед уходом в армию Александр был секретарем сельсовета. В 1940 году его призвали на военную службу. Парни и девушки с песнями проводили его далеко за околицу родной деревни.

— Сашенька, пиши чаще. Да карточку пришли скорее в военной форме,— упрашивала, причитая, мать.

— Ну, до свидания, сынок. Служи лучше да домой возвращайся,— напутствовал Григорий Торцев, крепко сжимая в объятиях сына.

Но Саша не вернулся в родной дом.

...Когда грянула Великая Отечественная война, Александр Торцев учился в военной школе, а после окончания ее попал в Заполярье, в отряд морской пехоты.

Летели в родное село короткие письма...

«Сижу вот сейчас, пишу и одновременно западает мысль в голову, что так бы и увидел вас да поговорил о чем-нибудь, мои родные».

«Я думаю, что буду жив, вернемся с победой, и тогда жизнь у нас пойдет настоящая».

Шли первые месяцы ожесточенных боев. Фашисты рвались к Мурманску. Советское командование отдало приказ не пропускать врага к городу, держаться до последнего. В боях за Мурманск участвовал и Александр Торцев.

Однажды рота моряков, стремясь укрепиться на новых позициях, начала штурм вражеских окопов.

Враг отстреливался — рота несла тяжелые потери. Один за другим были ранены командир, а затем политрук роты. Атака захлебывалась. И тогда команду принял на себя минометчик Георгий Сердюков, а раненого политрука заменил Александр Торцев.

«За мной, вперед!» — раздался громкий голос Сердюкова. ...Строчил не переставая вражеский пулемет, пули с визгом отскакивали от каменных глыб.

— Заткнуть бы ему глотку... — с досадой сказал раненый командир.

— Сейчас сделаю, — отозвался Торцев и быстро исчез за валунами. Извиваясь ящерицей, Александр пополз к пулемету, все ближе и ближе... Выбрав момент, он приподнялся и бросил гранату... Грохнул взрыв... Пулемет замолчал... И это решило исход боя — наши бойцы вышли фашистов с их позиций и укрепились на новом рубеже.

Седьмого ноября 1941 года рота Сердюкова и Торцева получила задание захватить высоту Важная.

Вместе с другими соединениями рота пошла на штурм. Враг не выдержал стремительного натиска нашей пехоты и отступил. Но не успели бойцы закрепиться, как фашисты, поддерживаемые мощным минометным огнем, перешли в контратаку. Командир быстро принял решение:

— Торцев, надо обойти врага с тыла и отвлечь внимание противника.

...«Товарищ Торцев, — говорится в наградном листе героя, — действуя смело и решительно, с отделением третьего взвода зашел в тыл врага и открыл сильный огонь из ручного пулемета и автоматов. Противник, придя в замешательство, перенес массированный огонь на отделение смельчаков и бросил против него взвод солдат. Метким ружейным и пулеметным огнем, а также гранатами наши бойцы уничтожили больше половины взвода».

Но силы моряков иссякали — погиб пулеметчик, реже стал огонь автоматов, был ранен Торцев. А фашисты, получив подкрепление, снова пошли в атаку... Превозмогая боль, Александр подполз к умолкнувшему пулемету и, припав к прицелу, почти в упор расстреливал наседавших фашистов. Но положение североморцев оставалось тяжелым. Торцев видел, что все его товарищи погибли и остался только он один.

Нажимая на гашетку, Александр продолжал стрелять...

В ярости немцы обрушили на пулемет ураганный минометный огонь — и тогда пулемет смолк...

Но высота осталась советской. На месте, где только что отгремел жаркий бой, товарищи нашли погибших героев. Лицом к врагу, сжимая пальцами ручки пулемета, лежал политрук младший лейтенант Александр Торцев.

Несколько фашистов, сдавшихся в плен, заявили: «Ваши моряки стреляют живые и мертвые».

На самой вершине только что отвоеванной высоты похо-

ронили моряки своих боевых друзей. А через несколько дней газета «Патриот Родины» опубликовала стихотворение о подвиге Саши Торцева. Там были такие строки:

Я знал твое сердце, Саша,
В нем капелька моря жила.
И где бы ты ни был, — вечно
В груди твоей билось море,
И эта морская сила
На подвиг тебя вела.
В смертельной неравной схватке
Погиб ты на бранном поле.
И будучи даже мертвым,
Оружие держал в руках!
Таким вот должно быть сердце,
Такой вот должна быть воля,
Такой вот должна быть ненависть
У воина-моряка!

Геройский поступок северянина стал символом верности воинскому долгу, примером для сотен и тысяч бойцов. Вскоре после гибели Торцева матрос М. Иванов в своем заявлении, поданном в комсомольскую организацию отряда, писал: «Я видел, как мужественно и смело дрались комсомольцы во главе с секретарем А. Г. Торцевым, и я почувствовал, что с такими людьми пойду в огонь и в воду. Прошу принять меня в члены ВЛКСМ. Хочу в его рядах вместе с героями-комсомольцами драться против фашистских зверей».

Девятнадцатилетним юношей ушел Саша Торцев из отчего дома, а через год его имя стало бессмертным.

На его родине по-прежнему стоит та же школа, где учился герой. Теперь она носит имя А. Торцева.

Именем отважного воина названа одна из улиц города Северодвинска.



Капитан Г. П. Масловский.

ВОИНЫ 23-й ГВАРДЕЙСКОЙ

Это было 9 мая 1965 года. Советский народ радостно отмечал 20-летие победы над фашистской Германией.

На площади Профсоюзов в Архангельске состоялся парад ветеранов Великой Отечественной войны. Праздничное шествие бывших воинов открыла большая группа людей с боевыми знаменами, среди которых были знамена 63-го, 66-го и 68-го гвардейских стрелковых полков 23-й гвардейской Дновской Краснознаменной стрелковой дивизии.

Неувядаемой славой покрыли себя воины этого соединения. Ст озер и болот Карелии через древние земли Псковщи-

ны и Прибалтику, через Польшу и Померанию дошла дивизия до Берлина.

А начался этот трудный фронтовой путь на Севере. Тысячи жителей Архангельской области влились в ряды дивизии в первые дни войны. «Личный состав 66-го гвардейского стрелкового полка, — говорится в его боевой истории, — формировался исключительно из приписного состава рабочих архангельских лесозаводов, служащих учреждений и колхозников Архангельской области».

Бойцы и командиры дивизии проявили в боях высокую воинскую доблесть...»

КАПИТАН МАСЛОВСКИЙ

Недавно вышло третье издание книги «Говорят погибшие герои». В ней собраны предсмертные письма советских воинов, павших в борьбе против немецко-фашистских захватчиков.

Среди этих волнующих документов — завещание капитана Масловского сыну. «Последнее письменное слово и мое завещанное пожелание для сына», — назвал это письмо Г. П. Масловский, человек железной воли и беспредельной преданности советскому народу:

«Ну вот, мой милый сын, мы больше не увидимся. Час назад я получил задание, выполняя которое, живым не вернусь. Этого ты, мой малыш, не пугайся и не унывай. Гордись такой гордостью, с какой идет твой папа на смерть: не каждому доверено умирать за Родину. Приму все меры, чтобы это письмо переслали тебе, а ты с ним будь осторожнее, не пугай свою бабушку.

Славному городу Ленина — колыбели революции — грозит опасность. От выполнения моего задания зависит его дальнейшее благополучие. Ради этого великого благополучия буду выполнять задание до последнего вздоха, до последней капли крови. Отказаться от такого задания я не собирался, наоборот, горю желанием как бы скорее приступить к выполнению. В ожидании машины роюсь в неугомонных мыслях, с молниеносной скоростью задаю сам себе вопросы и тут же даю ответ. Одним из первых вопросов будет такой: какие силы помогают мне совершать мужественный поступок? Воинская дисциплина и партийный долг. Правильно говорят: от дисциплины до героизма — один шаг. Это, сын,

запомни раз и навсегда. А пока есть время, надо отвинтить от кителя ордена, поцеловать их по своей гвардейской привычке. Рассказываю тебе обо всем подробно, хочу, чтобы ты знал, кто такой был твой отец, как и за что отдал жизнь.

Вырастешь большим — осмыслишь, будешь дорожить Родиной. Хорошо, очень хорошо дорожить Родиной.

У меня есть сын. Жизнь моя — продолжается, вот почему мне легко умереть. Я знаю, что там, в глубоком тылу, живет и растет наследник моего духа, сердца, чувства. Я умираю и вижу свое продолжение. Сын, ты в каждом письме просил и ждал моего возвращения домой с фронта. Без обмана: его больше не жди и не огорчайся, ты не один. При жизни нам, сынка, мало пришлось жить вместе, но я на расстоянии любил тебя и жил только тобой. Вот и сейчас думается, хотя я буду мертвый, но сердце продолжает жить тобой, даже смерть не вытеснит тебя из моего скупого сердца.

В своем прощальном письме прошу командование определить сына воспитанником Суворовского военного училища, желательно в Ленинградскую область — это для того, чтобы он мог посетить Поддорский район, Сокольский сельсовет, потому что возле деревни Хлебоедово закончит жизненный путь его отец. Когда начнется мирная жизнь, возродятся колхозы, сын будет шефом колхоза деревни Хлебоедово. Прощай, мой сын, прощай, дорогая жена!

Поля, Юра! Жена, сын! Радость вы моя, кровь моя, жизнь моя! Люблю, люблю до последней капли крови. Выполняйте мое завещание.

Целую, искренне любящий Гавриил».

...Долго и тщательно готовили разведчики рискованную операцию: тренировались на лыжах, изучали подходы к вражеским позициям, к складу боеприпасов.

На задание вышли несколько групп по пять человек в каждой. Взрывчатку подвезли к оврагу на машине, потом погрузили в сани.

Капитану Масловскому, лейтенанту Вялкову и сержанту Сапожникову предстояло выполнить главное — взорвать склад.

...Медленно продвигали по насту тяжело нагруженные сани. Пробрались по проходу сквозь проволоочное заграждение... Прошли через минное поле... Впереди замаячил склад.

А на флангах гремела автоматная стрельба — это бойцы

отвлекали внимание вражеских дозоров. Пройдя еще несколько метров, разведчики заложили взрывчатку.

По приказу Масловского Вялков и Сапожников отбежали в укрытие. Уже издали они увидели, как вспыхнула зажатая капитаном спичка и как сам он бросился в сторону.

А через несколько мгновений в ночное небо взметнулся яркий столб пламени, и земля содрогнулась от мощного взрыва. Задание было выполнено. В одной из ложбин нашли боевые друзья смертельно раненного капитана. Недалеко от места взрыва, в деревне Хлебоедово, похоронили воины своего командира.

В архиве Института обороны СССР удалось обнаружить личное дело офицера 23-й гвардейской стрелковой дивизии Г. П. Масловского.

Он родился в 1917 году, а в 1924-м — умер отец. На руках у матери осталось пятеро ребятишек. Окончив школу, Гавриил пошел работать на овцеводческую ферму.

В 1939 году Масловского призвали в армию. Он успешно окончил Новосибирское пехотное училище.

Более двадцати лет прошло с того дня, как погиб Масловский. Была исполнена последняя воля Гавриила Павловича: его сын Юрий окончил Суворовское училище, сейчас он — офицер Советской Армии. У Юрия растет сын Алеша.

Имя верного сына Родины коммуниста Г. П. Масловского носят совхоз, расположенный на месте, где погиб Масловский, улица в районном центре Новгородской области — селе Поддорье. Бывшие воины прославленного соединения по праву гордятся боевым командиром.



Герой Советского Союза
М. Е. Родионов.

ПОДВИГ МАЙМАКСАНСКОГО РАБОЧЕГО

Случилось так, что о боевых делах отважного пулеметчика дивизии, Героя Советского Союза, бывшего маймаксанского рабочего Михаила Родионова стало известно лишь спустя многие годы после войны.

Первый документ, где упоминалось имя героя, удалось найти несколько лет назад в партийном архиве Архангельского обкома КПСС. Это был отчет Архангельского обкома комсомола за военные годы. В нем кратко говорилось о подвиге Михаила Родионова, удостоенного посмертно звания Героя Советского Союза. «В ноябре 1941 года,— сообщалось в этом отчете,— молодой маймаксанский рабочий М. Роди-

онов, исполняя свой воинский долг, до последней капли крови сражался с наступавшим врагом. Окруженный неприятельскими солдатами, он последней гранатой взорвал себя вместе с пулеметом, уничтожив при этом 10 солдат врага. Имя нашего земляка навечно вписано в историю одной из воинских частей».

...М. Родионов родился в 1915 году в одной из глухих деревень Чувашии.

Нелегким было его детство. Отец со старшими сыновьями часто уезжал на заработки, а десятилетний Миша хозяйничал дома. Наравне со взрослыми пахал, сеял, да еще приглядывал за младшей сестренкой. «Когда у нас организовался колхоз,— вспоминает его сестра Мария Егоровна,— Мише не раз угрожали расправой кулаки...

В колхозе он работал сначала прицепщиком, а потом и трактористом.

В тридцатых годах Михаил уехал в Архангельск. Работал он на 26-м лесозаводе в Маймаксе, оттуда был призван в армию.

Удалось найти много документов, которые рассказывают о героизме отважного маймаксанского рабочего, ставшего в годы войны пулеметчиком 23-й гвардейской стрелковой дивизии.

Тут и история полка, и наспех написанные боевые донесения командира, стихи и очерки из дивизионной и фронтовой газет...

...Это было на Карельском фронте. Осенью 1941 года отборная дивизия СС «Норд» всеми силами рвалась вперед, к Кировской железной дороге — единственной магистрали, связывавшей Мурманск со страной.

Любой ценой нужно было удержать железную дорогу, по которой днем и ночью двигались составы с военными грузами. Это хорошо понимали воины 23-й гвардейской.

Вчерашние лесорубы, рабочие заводов, инженеры, учителя, колхозники стояли насмерть, изматывая силы врага.

В этих боях с августа 1941 года принимал участие и Михаил Родионов. Тогда он дал обещание товарищам по оружию:

— Умру за Родину, но назад ни шагу! — и сдержал свое слово.

...Наступил ноябрь. Подули холодные северные ветры. Снег покрыл промерзшую землю и деревья. Видимо, по этой

причине враг задумал новое наступление, решив до морозов занять железнодорожную линию.

...Старый полуразрушенный мост. Невдалеке от него проходила линия нашей обороны. Здесь на небольшом участке разыгралась ожесточенная схватка. Лес содрогался от гула канонады, тут и там отбивали четкую дробь пулеметы. Восемь дней и восемь ночей шло сражение. Одна за другой следовали яростные атаки фашистов.

Как-то на рассвете два свежих батальона гитлеровцев при поддержке артиллерии и минометов ринулись в наступление. Их главный удар приняла на себя группа во главе с Шумовым.

На одной из сопок закрепился пулеметный расчет Михаила Родионова.

— Нет, не пройдет,— шептал он, стиснув зубы и нажимая на гашетку.

Сотни фашистов полегли на склонах сопки. Но атаки их не прекращались. Вклинившись в расположение наших войск, гитлеровцы окружили сопку...

Из всего пулеметного расчета в живых остался один Михаил. Раненый, он продолжал вести огонь. Но патроны были на исходе.

Осмелев, фашисты сжимали кольцо окружения — и вот они уже лезут со всех сторон. Решение пришло мгновенно — когда враги кинулись на героя, он выдернул предохранительную чеку гранаты... Раздался оглушительный взрыв — десять неприятельских солдат было уничтожено в этом огневом крошечке. Смертью храбрых пал Михаил Родионов.

Однополчане Родионова были очевидцами этого неравного поединка. Потрясенные мужеством и бесстрашием героя, наши бойцы пошли врукопашную и, отбив неприятельскую атаку, укрепили свои позиции.

А через день дивизионная, а затем армейская газеты рассказали о подвиге пулеметчика Родионова.

«Он был моим другом, — писал сержант П. Мочалов, — я видел его героическую смерть. Буду мстить за гибель друга врагам».

Об этом же писал ефрейтор Магомед Гайсуржаев и многие другие. Со страниц дивизионной газеты не сходили призывы: «Боевые дела пулеметчика Родионова зовут нас на подвиги». «Служи Родине так же, как Михаил Родионов».

Дивизионные поэты писали о нем стихи.

Отважный пулеметчик оставался в боевом строю. Каждый раз, когда дежурный выкликал на поверке:

— Гвардии рядовой Михаил Родионов,— в ответ четко раздавалось:

— Герой Советского Союза гвардии рядовой Михаил Родионов пал смертью храбрых в боях за свободу и независимость нашей Родины.

И так — всю войну Михаил незримо был среди товарищей, вместе с ними шел по трудным военным дорогам.

Славный сын архангельских лесопильщиков, бесстрашный боец 23 й гвардейской стрелковой дивизии заслужил право на бессмертие. Имя доблестного патриота М. Родионова присвоено одной из улиц Маймаксы.



Герой Советского Союза
Ф. А. Лузан.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПОЧТОВОЙ МАРКИ

Обычная почтовая марка с ярким рисунком: размахнувшись, боец высоко над головой поднял гранату, готовый взорвать землянку, в которую ворвались гитлеровские солдаты. В верхнем левом углу — портрет воина, внизу подпись: «Герой Советского Союза связист Ф. Лузан».

Эта марка была выпущена в 1944 году. На ней запечатлен подвиг радиста Федора Афанасьевича Лузана — первого из связистов, удостоенного Золотой Звезды Героя. Он тоже сражался в 23-й гвардейской стрелковой дивизии. До войны Федор Лузан служил в стрелковом полку. Целыми днями Федя

не отходил от рации. Часами крутил ручки настройки, выступивал ключом морзянку, рассказывает его сослуживец, ныне работник Архангельского обкома КПСС, Михаил Матвеевич Моторин.

— Ну, теперь могу действовать даже в полной темноте,— говорил Федор друзьям перед отправкой на фронт.

Вместе со всеми бойцами дивизии Лузан прибыл на Карельский фронт в тяжелые августовские дни 1941 года.

В первых же боях он был ранен, почти два месяца пролежал в госпитале и только в ноябре возвратился в строй.

Однажды после многих яростных контратак гитлеровцы сумели обойти батальон, в котором служил Ф. Лузан, с флангов и окружить его. Сохранилась запись, сделанная в журнале боевых действий: «24 ноября 1941 года. Первый батальон 758 СП в течение 25 дней отбивал неоднократные атаки и попытки окружения врагом. К 24 ноября положение батальона оставалось неустойчивым. С утра противник, поддерживаемый семью танками, повел наступление с фронта и тыла. Одновременно усиленная рота с тремя средними танками наступала с Ложи-Губы на КП 1/758 СП. После сильной подготовки превосходящим силам противника при поддержке 10—11 танков удалось разделить 1-й батальон на три части и окружить его...»

Положение батальона день ото дня ухудшалось: все больше становилось раненых, на исходе были продукты питания и боеприпасы. Враг перекрыл все пути, по которым можно было пройти в расположение полка. Связь со штабом поддерживалась только по рации. Лузан и его помощник Хохраков, сберегая энергию ослабевших аккумуляторов, передавали сводки, принимали боевые приказы. Но вот во время одной из атак Хохраков был ранен, Федор остался один.

Утром 24 ноября Федор принял сообщение — приказ командира полка: при поддержке артиллерийского огня прорвать собственными силами оборону противника и выйти из окружения.

В командирской землянке шло последнее совещание. Одна из рот по приказу комбата должна была прикрыть отход батальона. На КП остались только начальник штаба и связист Федор Лузан.

Расставаясь с комбатом, Федор отдал ему листок бумаги. Это было заявление о вступлении в партию.

«Прошу принять меня кандидатом в члены ВКП(б),— пи-

сал Лузан.— В бой с извергами хочу идти коммунистом и бороться до последней капли крови за любимую Родину».

...Под покровом ночи две роты двинулись в расположение наших войск. Маскируя их отход, Лузан время от времени посылал в эфир дезориентирующие противника радиogramмы. Однако изменения на линии обороны все-таки были замечены гитлеровцами. Заухали снаряды и мины, взрывая замерзшую землю. Все меньше и меньше становилось защитников рубежа.

И вот уже все погибли, остался у своей рации только Федор.

— Ель! Ель!.. Прошу огня! Бейте по нашей позиции!— летели в эфир сигналы...

А фашисты подходили все ближе и ближе.

Через несколько минут радист штаба услышал в наушниках: «Землянка окружена! Уничтожаю рацию! Прощайте, товарищи!»

...Раздался оглушительный взрыв — это последней гранатой Федор уничтожил ворвавшихся в землянку гитлеровцев и погиб сам.

...Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 февраля 1943 года Федору Афанасьевичу Лузану было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

СОДЕРЖАНИЕ

Поединок в северной тайге	3
Его имя — на карте Родины. Лит. обр. В. Набокова . . .	22
«Последнее дыхание — для победы»	31
«Жажда моей жизни — бой»	36
Бессмертие сына Ваги	42
За родной Север	46
Воины 23-й гвардейской	50
Капитан Масловский	51
Подвиг маймаксанского рабочего	54
История одной почтовой марки	58